

На правах рукописи

МАКСИМОВ Александр Анатольевич

Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного
развития: от зарубежного опыта к российской модели

Специальность 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством
(региональная экономика)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Сыктывкар 2007

Работа выполнена в лаборатории методологии территориального планирования Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук

Научный руководитель: доктор географических наук, чл.-корр. РАН
Лаженцев Виталий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор экономических наук, профессор
Иванов Валентин Александрович
кандидат экономических наук
Рожкин Евгений Николаевич

Ведущая организация: Институт экономики Уральского отделения РАН

Защита состоится « 29 » мая 2007 г. в 14³⁰ на заседании регионального Диссертационного совета КМ 004.015.01 по присуждению ученой степени кандидата экономических наук при Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН по адресу: 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, Республика Коми, ул. Коммунистическая, 26.

С содержанием диссертации можно ознакомиться в библиотеке Коми НЦ УрО РАН по адресу: 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, Республика Коми, ул. Коммунистическая, 24.

Автореферат разослан « 28 » апреля 2007 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат экономических наук, с.н.с.

Л.А.Кузиванова

1. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Коренные народы российского Севера еще в начале XX в. численно преобладали на обширных территориях. Так, по переписи 1926 г., в Коми Области доля коми составляла около 94 %, а в регионах Крайнего Севера туземные (нерусские) жители насчитывали 120 тыс. чел. при численности постоянного русского населения 44 тыс. чел. Социальное и экономическое развитие царской России сопровождалось процессами самоорганизации северных сообществ, укрепления их экономической самостоятельности и самоуправления. Эти процессы, особенно заметные в XIX – начале XX вв., имели чрезвычайное значение для будущего народов Севера, но они нуждались в поддержке в период планирования и реализации крупномасштабных промышленных проектов.

Освоение Севера в советский период происходило в условиях доминирования интересов государства и переселенцев в вопросах использования природных ресурсов. При этом коренные народы и старожильческие общности не рассматривались властями как партнеры, имеющие неотъемлемые права на землю, ресурсы, территориальное самоуправление, а в обществе переселенцев принадлежность к северным народам считалась ничего не значащей или постыдной. Без реализации указанных прав коренные жители не смогли защитить свои экономические, социальные и культурные интересы. Закономерным результатом стало социально-экономическое неблагополучие народов Севера и русских старожильческих общностей, отличающееся от общего неблагополучия в России не только особенностями формирования, но и остротой многих показателей.

Активное освоение топливно-энергетических и лесных ресурсов северных территорий остается одним из приоритетов экономической политики России в XXI столетии. В то же время, коренные общности Севера, оказавшись в численном меньшинстве не только в регионах проживания, но и в большинстве административных районов, не имеют адекватных механизмов выражения и реализации своих интересов. Хотя их права на земли, ресурсы и самоуправление в определенной мере признаются Конституцией Российской Федерации и законами, существующая нормативно-правовая база во многом противоречива и декларативна и не может преодолеть сложившиеся отношения доминирования и ассимиляции. Это свидетельствует о консервативности сложившейся теории и практики освоения северных территорий, определенном нежелании строить новые отношения с коренными общностями Севера, а также о сложности вопроса и недостаточности знаний.

В этой связи актуальным представляется исследование проблемы сохранения и развития коренных народов и старожильческих общностей Севера в условиях промышленного развития северных территорий.

Степень разработанности проблемы. Теоретические вопросы освоения Севера и территориального развития рассматриваются в работах Г.А.

Аграната, А.Г. Гранберга, В.А. Крюкова, В.Н. Лаженцева, В.Н. Лексина, Г.П. Лузина, Д.С. Львова, А.Н. Пилясова, С.В. Славина, А.И. Татаркина, и др.

Сохранению и социально-экономическому развитию малочисленных народов Севера посвящены работы В.Г. Бабакова, В.И. Бойко, Ф.С. Донского, Е.Г. Егорова, П.Х. Зайдфутдима, В.А. Иванова, К.Б. Клокова, В.М. Курикова, О.П. Литовки, О.А. Мурашко., А.И. Пики, Ю.В. Попкова, В.П. Пахомова, Б.Б. Прохорова, М.А. Сергеева, З.П. Соколовой, А.Н. Ямскова и др.

Вопросы правовой защиты коренных народов Севера освещаются В.А. Кряжковым, Н.В. Витруком, В.Л. Мищенко и др.

Исторические и современные аспекты межэтнических отношений на Севере рассматриваются в работах Л.М. Дробижевой, Л.Н. Жеребцова, М.А. Мацука, Ю.П. Шабаева, А.С. Зуева, В.В. Мархинина, И.В. Удаловой и др.

Зарубежный опыт преобразования отношений с аборигенными народами изложен в трудах коллективов авторов под руководством С.А. Гонионского, В.А. Тишкова, А.Н. Пилясова, Р. Дусаулта и Г. Ерасмуса, материалах многих международных конференций, а также работах Р. Лангле, Г. Ошеренко, Т. Морхауса, Д. Маршалла, Р. Квиста и др.

Актуальность перехода на траекторию устойчивого развития северных территорий требует критического переосмысления ряда устоявшихся взглядов по сохранению и развитию коренных народов и старожильческих общностей Севера. При этом особое значение имеет анализ жизнедеятельности в ареалах компактного проживания коренных народов и общностей, организация таких форм традиционного жизнеобеспечения, которые способны в полной мере выполнять природоохранные и социальные функции.

Цель исследования состоит в разработке теоретических и методологических основ формирования механизмов государственного управления процессами улучшения социально-экономического положения коренных народов и старожильческих общностей Севера, а также предложений по совершенствованию политики Республики Коми в отношении традиционной экономики села и традиционного жизнеобеспечения коренных жителей в местах их компактного проживания.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- изучение трансформации статуса и социально-экономического положения коренных народов евразийского и американского Севера путем сравнительного анализа колониационной политики* России, США, Канады и стран Скандинавии;
- уточнение содержания права коренных народов Севера на земли и ресурсы;
- оценка существующих типов самоуправления народов Севера с позиции эффективности решения социально-экономических и культурных проблем;
- анализ подходов к социально-экономическому развитию коренных народов Севера и обоснование модели партнерских отношений;

* Колонизация – здесь: заселение и хозяйственное освоение земель (СЭС, 1984).

–определение признаков, функций и роли традиционного хозяйства северных народов и общностей в региональной экономике;
–выработка предложений по совершенствованию институциональной среды традиционного природопользования в местах компактного проживания коренных жителей Республики Коми.

Объект исследования – ареалы компактного проживания коренных народов и старожильческих общностей Севера, в том числе на территории Республики Коми.

Предметом исследования являются социально-экономические отношения и институциональные условия, определяющие уровень жизни и потенциал развития мест компактного проживания коренных народов и общностей Севера.

Теоретической и методологической основой послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные социально-экономическому развитию слаборазвитых территорий, анализу отношений между государствами и народами Севера, согласованию ресурсного развития Севера с интересами коренных народов и старожильческих общностей. В работе были использованы методы системного и сравнительного анализа, социологических исследований (анкетирование, интервьюирование) и экспертных оценок.

Информационную базу исследований составили научные публикации, литература североведческого характера, данные статистики, нормативно-правовые документы, данные полевых исследований автора.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном анализе условий, определяющих социально-экономическое положение коренных народов и старожильческих общностей Севера, оценке ресурсов и роли традиционной экономики в Республике Коми. При этом получены следующие результаты, имеющие научную новизну и представляющие **предмет защиты**:

1. Анализ политики России, США, Канады и стран Скандинавии по колонизации территорий евразийского и американского Севера позволил выделить три основных периода взаимоотношений с коренными народами – сотрудничества, доминирования и ассимиляции, формирования отношений партнерства.

2. Реализация обширных прав коренных народов и общностей Севера на землю, ресурсы и самоуправление является ключевым условием устойчивого развития северных территорий, формирования эффективных рыночных механизмов интернализации социальных и экологических издержек в промышленные проекты.

3. Комплексный подход к решению проблем социально-экономического развития коренных народов и общностей Севера России находится в процессе формирования.

4. Легитимация традиционного жизнеобеспечения и меры по его функционированию и развитию коммерческой составляющей традиционной эко-

номики – необходимый элемент политики северного региона в сфере укрепления жизнедеятельности периферийных муниципальных образований и защиты культуры коренного населения.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут быть использованы при принятии решений по совершенствованию системы управления и социально-экономического развития ареалов компактного проживания коренных народов и общностей Севера, а также в качестве методологического подхода к проведению научно-практических исследований в районах проживания народов Севера.

На основе материалов диссертационного исследования для Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации автором был написан учебно-образовательный курс (см. список публикаций).

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования докладывались автором на 14 международных, российских и региональных конференциях: «Город в Заполярье и окружающая среда» (г. Воркута, 1994 и 2003 гг.), «Коми-пермяки и финно-угорский мир» (г. Кудымкар, 1995 г.), «Освоение Севера и проблемы рекультивации» (г. Санкт-Петербург, 1996 г.), VI ICCEES World Congress (г. Тампере, Финляндия, 2000 г.), Политические, экономические и социо-культурные аспекты регионального управления на Европейском Севере (г. Сыктывкар, 2003 и 2005 гг.) и др.

Научно-методические разработки автора вошли в качестве разделов в НИР Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН по темам «Теория и методология регулирования социально-экономического развития северных регионов» (2000 г.), «Структурный и рентабельные факторы устойчивого экономического роста северных регионов» (2003 г.), «Потенциал развития муниципальных образований: содержание, оценка, управление» (2006 г.), PRISM Pechora River basin Integrated System Management – Интегрированная система управления бассейном р. Печора. (2005 г.), Проект ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми. Оценка социально-экономических аспектов» (2006 г.). Также в качестве разделов они вошли в проект «Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера в новых экономических условиях» (2002 г.) и в аналитические материалы по разработке концепции Федерального Закона «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (2002 г.). Кроме того, они были использованы в научной записке в Министерство по делам национальностей Республики Коми (2001 г.).

По теме диссертации выполнено более 40 работ, в том числе 30 публикаций объемом 22 п.л. личного участия.

Структура и основное содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка.

Текст работы изложен на 145 страницах, содержит 15 таблиц и 8 рисунков. Библиографический список включает 120 наименований.

Во введении отражены актуальность и состояние изученности проблемы, определены цели и задачи, объект и предмет исследования, методологические подходы, научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

В первой главе «Зарубежный опыт реформирования отношений с коренными народами» анализируются процессы и тенденции реформирования отношений с народами зарубежного Севера. Выявлены эффективные рыночные механизмы интернализации социальных и экологических издержек в промышленные проекты.

Во второй главе «Северная политика России и коренные народы» приведены оценки воздействия промышленного развития на коренных жителей Севера, в том числе в Республике Коми. Рассмотрены теоретические и методологические подходы к проблеме статуса народов Севера, основы федерального законодательства в отношении прав малочисленных народов. Дана оценка выбранного курса по реализации интересов народов Севера в условиях промышленного развития.

В третьей главе «Традиционное хозяйство в экономике северного региона» дано определение, признаки и функции традиционного хозяйства народов Севера, приведены результаты полевых исследований в Республике Коми. Проведено сравнение с традиционным хозяйством малочисленных народов соседних регионов (ЯНАО и ХМАО), и обоснован вывод о необходимости ревитализации традиционного жизнеобеспечения в республике.

В заключении кратко изложены основные выводы и результаты исследований.

Положения, представляющие предмет защиты:

1. Анализ политики России, США, Канады и стран Скандинавии по колонизации территорий евразийского и американского Севера позволил выделить три основных периода взаимоотношений с коренными народами – сотрудничества, доминирования и ассимиляции, формирования отношений партнерства.

На первом этапе взаимоотношений с народами Севера, Сибири и Дальнего Востока власти России, так же как и европейских государств, а затем США и Канады, признают значимость экономики аборигенов, их права на земли и регулирование землепользования по нормам обычного права. В экономике колонизируемых территорий доминируют традиционные для народов Севера отрасли. Коренные народы включаются в торговые отношения, в процессы политического, экономического и культурного развития. Поэтому на первом этапе взаимоотношений с коренными жителями новых земель политика государства обычно является политикой сотрудничества.

В Северной Америке сферой сотрудничества колониальных властей (Великобритании) с индейскими народами стали торговля, земельные и военные вопросы. После получения независимости США формируют собствен-

ную индейскую политику. Три десятилетия ее определяет принцип "цивилизации" индейцев. Приобретение земель идет в обмен на сельскохозяйственный инвентарь, скот, ткацкие станки, кузницы и др. Среди индейских народов выделилась "пятерка цивилизованных племен" юго-востока современных США, которые приняли христианство, добились успехов в сфере сельской экономики, создании школ, составлении алфавитов и выпуске печатных изданий на родных языках.

В экономике Лапландии и торговле со Швецией саами доминируют до середины XVIII в. Споры о правах на охотничьи и рыболовные угодья, которые иногда возникали между переселенцами-фермерами и коренными жителями, как правило, выигрывали саами. После Северной Войны государство поддержало также использование языка саами на территории Лапландии: с 1723 г. священники в Лапландии должны были знать саамский язык, а в основных церквях региона созданы саамские школы.

Политика России по присоединению Севера, Сибири и Дальнего Востока преследовала обычные для своего времени цели: расширение территории государства мирными или немирными методами, пополнение казны за счет развития пушного промысла, горнодобывающей и лесной промышленности, поиск морских путей для торговли с Японией, Кореей и Китаем. Для аборигенных народов она означала принятие ясачных и иных повинностей.

В XV-XVII вв. пушнина была главным предметом экспорта Московского государства и источником пополнения казны, а также средством обогащения промышленников, колониальных властей и казаков, участвовавших в сборе ясака. Не удивительно, что пушные повинности часто были чрезмерно высокими. Отвлекая коренных жителей Сибири от занятий по жизнеобеспечению своих семей, они приводили к обнищанию аборигенных общин, а иногда к голоду, болезням и вымиранию целых родовых групп. Такая политика не могла не встречать сопротивление, которое часто переходило в военные действия и силовое подчинение аборигенных народов. Наиболее распространенным инструментом силового подчинения был институт «аманатства»: захват представителей родовой знати в заложники. Известно также, что военные действия на Камчатке и Чукотке в XVIII в. привели к значительному сокращению численности ительменов, коряков и чукчей (по некоторым оценкам более чем в 2 раза).

В течение многих поколений на евразийском и американском Севере происходили перемены в этническом составе многих территорий. В Канаде сформировались коренные метисные народы, на российском Севере, Сибири и Дальнем Востоке укреплялись русские старожильческие общности, часто тоже метисные, происходило интенсивное расширение территорий проживания коми, якутов, бурят и многих других народов. Наиболее предприимчивые представители этих общностей, материальная и духовная культура которых была укорененной в традиционную культуру места проживания, а также культуру доминирующего большинства в экономических центрах страны,

являлись коммутаторами культур и сыграли большую положительную роль в социальном и экономическом развитии малых народов.

К концу XVIII в. Север оказался на периферии основных направлений колонизационной политики России: пушной промысел сократился и был хорошо организован, сельское хозяйство не приносило казне значительных доходов, а создание горнорудной промышленности требовало времени и больших инвестиций.

В XIX – начале XX вв. происходят процессы укрепления экономической самостоятельности и самоуправления северных народов. В частности, успешно развивается хозяйство притундровых районов северо-востока европейской части России – территории проживания коми-ижемцев, ненцев и русских старожилов. Экономика территории опирается на хорошо организованное оленеводство, продуктивное скотоводство и рыболовство и обеспечивает относительно высокий уровень жизни населения, а также накопление капитала от продажи продуктов сельского хозяйства. Незначительная прослойка предпринимателей-ижемцев, переплетенная родственными связями с влиятельными ненецкими родами, определяла передовой для своего времени характер организации оленеводства и прочно соединила торговыми путями европейские и западно-сибирские тундры и Приуралье. Уровень развития торговли на этой северной окраине поражал современников*. Благополучие коренных жителей выражалось и в высоких показателях роста их численности. Так по переписи 1926 г. коэффициент естественного прироста для коми и ненцев по районам Крайнего Севера равнялся 28 ‰, это соответствует росту населения в 16 раз за 100 лет. Не удивительно, что численность коми-ижемцев выросла с 1785 г. до конца XIX в. с 2000 до 22 000 чел., а ненцы ныне являются самыми многочисленными в составе малочисленных народов Севера.

На втором этапе развитие добывающих отраслей промышленности и интенсивного сельского хозяйства сопровождается быстрым ростом численности новопоселенцев за счет иммиграции и естественного прироста.

Вместе с этим на смену политике сотрудничества с коренными жителями приходит политика освоения северных территорий при доминировании интересов властей и переселенцев в вопросах экономического развития, которая становится политикой доминирования и ассимиляции по отношению к первым (коренным, аборигенным) народам и старожильческим общностям*, источником их социального и экономического неблагополучия. Содержание новой политики определяют следующие ключевые элементы:

1. Коренные народы лишаются земель и ресурсов. Для промышленного, а часто и для сельскохозяйственного развития привлекаются переселенцы.

· Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. – СПб., 1847.

* Статус первых (коренных, аборигенных) народов и старожильческих общностей означает, что они жили на определенных территориях и были организованы в социально-политические коллективы задолго до того, как государство начало проводить политику массовых переселений на эти территории.

Они получают монопольный доступ к лесным, минеральным и энергетическим ресурсам, добиваются права на рыболовные и охотничьи угодья, перехватывают доходные сферы деятельности, связанные с пушным промыслом, переработкой и продажей продукции рыболовства и оленеводства.

2. Самоуправление аборигенных наций заменяется политикой патернализма. Сельские общины аборигенных жителей становятся объектами государственного регулирования (наравне с объектами инфраструктуры, ресурсами и отраслями экономики), а их интересы берутся представлять и защищать специальные государственные службы.

3. Принимаются меры, разрушительные для аборигенных культур. Система образования пропагандирует образ жизни и ценности доминирующего общества. Дети аборигенов обучаются в смешанных школах или школах-интернатах, где использование родного языка считается постыдным, а особенности речи или поведения высмеиваются.

4. Формируется идеология, оправдывающая политическое, экономическое и культурное доминирование над коренными народами. Во второй половине XX в. эта идеология получает название “доктрина ассимиляции” или “теория колонизаторов”*. Преимущества и выгоды, приобретаемые некоренными жителями от использования ресурсов новых земель, представляются как бремя, которое они несут ради экономического и социального прогресса. В то же время уделом аборигенных народов считается архаичный (традиционный) уклад жизни с присущим ему низким уровнем материального производства и потребления. Ранее действовавшие договоры, законы или нормы права, закрепляющие права аборигенных народов на землю и самоуправление и отвечающие отношениям сотрудничества, рассматриваются как исторический анахронизм, не имеющий значения в настоящее время.

5. Распространяются расистские предубеждения, которые отвечают политике патернализма и доктрине ассимиляции. В обществе переселенцев принадлежность к северным народам считается ничего не значащей или постыдной. Даже гуманные с первого взгляда идеи о “самоценности” аборигенных народов и культур и необходимости их защиты на деле унижают коренных жителей и воспитывают расистские предубеждения, поскольку представляют аборигенные общества как особые коллективы, способные лишь к традиционному жизнеобеспечению и не способные к самоорганизации и саморазвитию.

Негативным результатом политики доминирования над коренными народами и старожильческими общностями, пренебрежительного отношения властей и новых поселенцев к их коллективным и индивидуальным правам, интересам и ценностям стали высокие показатели психических, инфекционных заболеваний среди коренных жителей, а также социальных болезней (алкоголизма, апатии, суицидов, насилия в семье и др.).

* Мюрдаль Г. Современные проблемы “третьего мира”. – Сокращенный перевод с английского, М.:Издательство “Прогресс”, 1972. – 768 с.

Вплоть до середины XX столетия высокие показатели неблагополучия коренных народов объяснялись особенностями их физиологии и социальной жизни. Мнение о скорой ассимиляции коренных жителей американского и скандинавского Севера было общераспространенным, а процессы ассимиляции и растворения аборигенных народов в обществе переселенцев оценивались как закономерные и положительные явления. Процессы ассимиляции северных народов России в советский период происходили гораздо быстрее, чем на Аляске или в Канаде, но они трактовались как «расцвет наций и народностей и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества»^{*}.

Третий этап восстановления справедливости в отношении коренных народов продолжается и в настоящее время. Он начался в 60-70-гг. XX столетия, когда в ответ на крупномасштабные ресурсные проекты, а также попытки аннулировать индейское законодательство коренные народы США, Канады, Гренландии, Швеции и Норвегии активно заявили о своих правах на земли, которые первыми населили и считали своей родиной. Они обратились в суды с земельными исками. Организации коренных народов выступили за такое экономическое развитие, которое не разрушало бы их сообщества, а укрепляло их самоуправление и способности к экономическому и социальному прогрессу. Рассмотрим далее содержательную часть политики обновления отношений с аборигенными народами зарубежных стран.

2. Реализация обширных прав коренных народов и общностей Севера на землю, ресурсы и самоуправление является ключевым условием устойчивого развития северных территорий, формирования эффективных рыночных механизмов интернализации социальных и экологических издержек в промышленные проекты.

За последние три десятилетия политика относительно коренных народов зарубежного Севера радикально изменилась. Важной составляющей новых отношений с народами Севера стала помощь государства в вопросах экономического и социального развития национальных сел, основанная на достигнутых соглашениях по претензиям коренных народов на земли, ресурсы и самоуправление.

Соглашениями по территориальным требованиям коренных жителей Аляски и Севера Канады выделялись три категории земель (табл.1): категория А – исключительные права собственности аборигенов на все ресурсы; категория В – права на недра ограничены правом заключать соглашения с добывающими компаниями о социальных, экономических и иных выгодах и преимуществах; категория С – государственные земли с приоритетными правами аборигенов на ресурсы традиционного жизнеобеспечения и правом

* Развитие национальных отношений в СССР. –М: Изд. полит. лит., 1986. – 176 с.

Таблица 1
Права коренных народов Севера Канады на земли, ресурсы и самоуправление

Регион – субъект Канады	Нунавут			Юкон			Северо-Западные территории			
Титул права на земли (коренной народ, численность)	Аборигенный (инуиты, 18000, чел.)		Государственный	Аборигенный (Первые Нации, 7500 чел.)		Государственный	Аборигенный (инувиалюиты, 3500 чел.)		Государственный	
Категория земель	А	В	С	А	В	С	А	В	С	
Права собственности на ресурсы *	Дикой природы	I	I	II	I	I	V	I	I	V
	Поверхности	I	I	II	I	I	V	I	I	V
	Недра	I	III	IV	I	IV	V	I	IV	V
Площадь земель данной категории (на 1 чел.), км ²	38 000 (2)	356 000 (20)	1 500 000 (80)	25 900 (3,5)	41 400 (5,5)		13 000 (3,7)	90 600 (26)		
Собственники земель и ресурсов	Утвержденные организации инуитов		Государство	Администрации Первых наций Юкона		Государство	Региональная корпорация “Инувиалюит”		Государство	
Структуры управления ресурсами и развитием	Региональные структуры власти, формируемые на равной основе правительством и представительной организацией Инуитов: - Плановая Комиссия, - Департаменты по биологическим, водным ресурсам, мониторингу воздействия на окружающую среду.			Советы совместного управления Юкона (доля голосов аборигенов): - по рыболовству и животному миру (1/2) - возобновляемым ресурсам (1/2) - водным ресурсам (1/3) - земельному планированию (1/3) - по экономике и окружающей среде (1/4) - энергетическая корпорация (1/4)			Интегрированная сеть корпораций для управления землями, ресурсами и финансами инувиалюитов: - земельная - инвестиционная - нефтяная - корпорация развития - возобновляемых ресурсов - др.			
Структуры территориального самоуправления	Структуры публичной региональной и муниципальной власти			Структуры власти Первых наций Юкона согласно законам о самоуправлении Первой нации Юкона			Аборигенное (общинное) самоуправление согласно закону об индейцах.			

* I – основные права собственности; II – право пользования ресурсами; III – право заключать соглашения с компаниями о получении социальных и экономических выгод и преимуществ; IV – право на долю от ренты при недропользовании; V – государственные земли, на которых могут использоваться режимы совместного управления ресурсами.

доступа на места исторического значения. Собственниками земель и ресурсов становились по закону локальные и территориальные общины коренных жителей (традиционные или формируемые по типу корпораций). После достижения соглашения федеральное правительство длительный период сопровождает исполнение принятых законов, участвует в создании условий, при которых аборигенные жители максимально реализуют возможности, заложенные в соглашении.

Права на ресурсы дикой природы позволили аборигенным народам Аляски и Севера Канады защитить систему традиционного жизнеобеспечения, развивать коммерческую составляющую традиционной экономики, получать экономические и социальные выгоды в случае добычи минерально-сырьевых ресурсов на территориях традиционного природопользования. Закрепление обширных прав на ресурсы дикой природы на государственных землях сопровождалось развитием режима ко-менеджмента этими ресурсами.

Права на недра позволили коренным народам активнее включиться в процессы промышленного развития. Аборигенные предприятия внедрились в сферу строительства, торговли, транспорта, связи, предоставления коммунальных и иных услуг добывающим компаниям. Важным инструментом развития коренных народов и защиты природы стали соглашения о предоставлении социальных и экономических выгод (СОПВ) в случае реализации промышленных проектов. Типовые условия соглашений представлены в табл. 2.

Чтобы эффективно использовать землю и ресурсы, формулировать свои интересы и приоритеты, планировать развитие и управлять им, коренным народам необходимо самоуправление.

Для экономического развития небольших общин коренных жителей реальный суверенитет имеет ключевое значение*. Так же важно, чтобы власти общины эффективно осуществляли стратегию экономического развития, обеспечивали стабильные «правила игры», отделяли ежедневную политику от управления экономикой. Роль государства – это роль советника и поставщика технической и финансовой помощи. Если же внешние институты принимают решения, то доминируют их критерии успеха – защита доходов, сокращение расходов федерального бюджета, сохранение и расширение своих полномочий и др.

Три десятилетия перемен показали, что небольшие разрозненные общины коренных жителей не могут осуществлять властные полномочия по всем вопросам, от которых зависит их благополучие*. Поэтому ресурсное развитие на Аляске и Севере Канады было и остается стимулом для создания территориального самоуправления коренных народов.

Таблица 2

· От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства). – Отв. ред. А. Н. Пилясов. – Магадан: СКВНИИ ДВО РАН, 1998. – 198 с.

* People to people, nation to nation: Highlights from the report of the Royal Commissions on Aboriginal Peoples. – Canada. Royal Commission on aboriginal peoples, 1996. – 150 p.

Ключевые условия соглашений о предоставлении выгод местному населению

Условие	Механизмы реализации
Финансовый блок	Денежные выплаты: фиксированные или роялти, определяемые в зависимости от стадии добычного проекта
Участие в акционерном капитале	Община владеет пакетом акций совместного предприятия, если ей принадлежат основные права собственности на месторождение или она влияет на доступ к ресурсам
Профессиональное обучение	Для работы в горнорудной или нефтегазовой отрасли
Занятость	Создание места координатора, информирование о рабочих местах, найме местных жителей, определении доли аборигенов среди работников, определении процедур профессиональной подготовки и продвижения по службе аборигенов
Развитие предпринимательства	Развитие бизнеса среди аборигенов. «Аборигенные» предприятия получают преимущества как подрядчики и субподрядчики.
Социальная и культурная поддержка	Развитие инфраструктуры поселения, продвижение проектов по решению проблем неблагополучия (алкоголизма и др.)
Охрана окружающей среды	Компенсации ущерба всякого рода. Правила рыболовства и охоты для работников компании
Другие условия	Отчетность компании и ее комитетов по пунктам СОПВ, разрешение споров, управление соглашением через создание специального Комитета с определенным кругом полномочий

Территориальная автономия коренных народов Севера возникла как реальность уже в 70-е гг. XX столетия (Гренландия, муниципальный округ Северный Склон Аляски), а в 90-е гг. получила развитие в Канаде. Существующие автономии отличаются по площади, ресурсам, численности населения, структурам власти, способу их формирования, властным полномочиям и др. Но все они достаточно обеспечены землей, ресурсами и полномочиями. В настоящее время лидеры национальных автономий эффективно представляют интересы своих территорий в отношениях с добывающими компаниями, федеральной (региональной) властью, международными организациями, в том числе по вопросам нефтяного развития. Но главные перемены происходят в душах людей: они начинают верить, что их жизнь и будущее детей имеет смысл и находится в их собственных руках.

Показательно, что ранее вымирающие аборигены Канады за 50 лет (с 1950 г.) численно выросли в 5 раз (с 200 тыс. до миллиона). Перед северными народами открылись грандиозные перспективы, чтобы участвовать в процес-

сах развития циркумполярного Севера наравне с выходцами из Европы, опираясь на свои интересы и ценности.

За пределами своих территориальных автономий, в современных урбанизированных районах коренные жители зарубежного Севера представляют национальные меньшинства и пользуются правом национально-культурной автономии (НКА). Существующие модели НКА отличаются множеством конкретных условий. Самоуправление саами в форме «парламентов» представляет одну из возможных моделей НКА. Несмотря на значительную поддержку культуры, увеличению численности детей, изучающих саамский язык как предмет, культурная автономия саами не смогла решить проблему невосребованности саамского языка. Процент молодежи, бегло говорящей на родном языке, продолжает уменьшаться. Опыт саами наглядно показывает, что сохранить язык коренного народа в рамках культурной автономии невозможно. Поэтому вопрос о национальном районе, работа над самоопределением саами и реализацией их земельных претензий остается в фокусе деятельности Парламентов и других саамских организаций.

Итак, реализация обширных прав коренных народов Аляски и Севера Канады на землю, ресурсы и самоуправление не стала барьером для развития добывающих отраслей промышленности и гидроэнергетики. Более того, она значительно уменьшила потенциально опасные социальные и экологические издержки индустриального развития и стала эффективным рыночным механизмом включения (интернализации) этих издержек в промышленные проекты, возлагая затраты на пользователя ресурсов и вознаграждая хорошо работающие компании.

3. Комплексный подход к решению проблем социально-экономического развития коренных народов и общностей Севера России находится в процессе формирования.

Целью государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера является обеспечение их устойчивого социально-экономического развития в рыночных условиях, содействие в возрождении самобытных культур этих народов путем совершенствования нормативно-правовой базы по вопросам их жизнедеятельности и оказания им государственно-правовой и экономической поддержки.

Несмотря на имеющиеся недостатки (декларативность законодательства, неопределенность в земельных правах и инструментах получения выгод от недропользования), существующая нормативно-правовая база уже позволяет реализовывать преимущественное право малочисленных народов на традиционное жизнеобеспечение. В некоторых регионах (Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и др.) закреплён особый статус малочисленных народов, реализованы механизмы получения выгод от промышленных проектов на территориях традиционного проживания и хозяйствования, достигнуты успехи в развитии оленеводства.

В этом отношении интересным представляется опыт Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), где оленеводство находится на подъеме и

рассматривается не как товарная отрасль, а, прежде всего, как система традиционного жизнеобеспечения коренного населения и «этносохраняющий» вид хозяйственной деятельности. Без ревитализации оленеводства как системы традиционного жизнеобеспечения, признания неотъемлемых прав коренных жителей региона на традиционные виды природопользования, постепенного перехода к частному владению оленями и оленьими пастбищами не были бы достигнуты те успехи, которые несомненны в ЯНАО*. Серьезная финансовая и организационная поддержка государства – второе условие успеха. В ЯНАО эта поддержка состоит в ежемесячных доплатах кочующим членам семей оленеводов, дотациях на мясную продукцию, мерах по организации труда частников, обеспечению жизнедеятельности факторий и др. Наконец, третий фактор – оленеводы почувствовали, что они сами и их труд востребован, и это в корне изменило их отношение к труду.

В настоящее время уже можно говорить о том, что принятые меры по развитию организаций малочисленных народов, защите традиционной экономики и уклада жизни, изменили положение малочисленных народов Севера России. Это наглядно проявляется в активной деятельности общественных организаций малочисленных народов, их представителей в органах власти, включенности молодежи в экономические, экологические и политические процессы перемен, появлении положительных примеров экономического и социального развития локальных и региональных общностей.

В то же время федеральным законодательством недостаточно отрегулирован вопрос о субъектах традиционного природопользования (ТПП). Де-факто оно устанавливает, например, дискриминацию коми и русских старожилов Республики Коми в отношении их коллективных и индивидуальных прав на среду обитания, традиционное природопользование и образ жизни по признакам этнической принадлежности (не малочисленные народы Севера) и проживания (вне мест проживания малочисленных народов Севера).

Исследователи традиционного природопользования народов Севера Российской Федерации отмечают, что порог численности 50 тыс. человек является бюрократическим, а с позиций “здорового смысла” коми, якуты, русские старожильческие общности являются такими же субъектами традиционного хозяйства, как и малочисленные народы. Но такая расширительная трактовка состава “коренных народов Севера”, по мнению ряда ученых, противоречит приоритету малочисленных народов Севера, законодательно закреплённому в 1920-е гг., и может провоцировать соперничество и ущемление прав малочисленных народов, поскольку “на районном и даже поселковом уровне власти доминируют чаще всего именно якуты или русские”. Справедливость и этичность такой аргументации вызывает сомнение.

Во-первых, сомнительно, что революционное государство, жестоко расправлявшееся даже с потенциальными противниками, было проникнуто идеями гуманизма, закрепляя льготы и привилегии для представителей мало-

* Южаков А.А., Мухачев А.Д. Необходима новая концепция северного оленеводства // Животновод. №1, 2004. – С. 22-23.

численных народов и их объединений. В реальности государство таким образом формировало свою систему контроля над традиционными отраслями и ликвидировало прежнюю эволюционно сформировавшуюся экономическую систему, более выгодную для коренных жителей Севера. Во-вторых, несомненной целью при реализации прав малочисленных народов является достижение ясности в объеме этих прав, их максимизация и общественное признание. Представляется, что такое возможно только в результате общественного договора между заинтересованными сторонами.

Следует иметь в виду, что выделение субъектов ТПП, наделение их льготами и привилегиями – это инструмент в руках государства. Практика использования этого инструмента показывает, что бюрократический способ определения субъектов ТПП ущемляет законные интересы компактно проживающих локальных и территориальных (районных) общностей коми народа, русских старожилов и др., провоцирует конфликты, и плохо реализует те цели, ради которых указанный инструмент был создан*.

Очевидно, что традиции рачительного природопользования были присущи всем исторически сложившимся коренным общностям Севера России. Поэтому законодательство в сфере ТПП в XXI в. должно учитывать принципы справедливости и создавать равные условия жизнеобеспечения и культурного выживания коренных народов и общностей Севера, не оправдывая новой несправедливостью прошлую, допущенную в отношении коми-ижемцев или иных общностей.

Наблюдаемая в федеральном законодательстве тенденция по закреплению в качестве субъектов ТПП только малочисленных народов Севера имеет простое объяснение: система наделения льготами и привилегиями только малочисленных народов “гораздо легче может быть реализована на практике”*. Это сильный аргумент с точки зрения чиновника, но он делает возможным принятие бюрократических решений, не отвечающих сути проблемы традиционного природопользования, и представляется главной причиной “отсутствия единого подхода и какой-либо стройной государственной концепции”** в вопросах восстановления ТПП коренных народов и общностей Российского Севера.

4. Легитимация традиционного жизнеобеспечения и меры по его функционированию и развитию коммерческой составляющей традиционной экономики – необходимый элемент политики северного региона в

* Максимов А.А. Проблемы традиционного природопользования в Республике Коми // Современное состояние и перспективы развития особо охраняемых территорий Европейского Севера и Урала (к 75-летию Печоро-Ильчского заповедника). – Сыктывкар, 2005 – С. 99-105. Удалова И.В. Трудовая занятость как фактор напряженности в межэтнических отношениях в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского АО. – <http://e-lib/gasu.ru/SocPr/2002/sp54.shtml>.

** Ямсков А.Н., 1996. Территории традиционного природопользования в Хабаровском крае. – www.iea.ras.ru/lib/neotl/07112002060958.htm.

*** Кряжков В.А. Право коренных малочисленных народов Севера на традиционное природопользование // Экономика коренных народов, №1 (1), 2003. – С.5-6.

сфере укрепления жизнедеятельности периферийных муниципальных образований и защиты культуры коренного населения.

Современное положение сельских районов Республики Коми характеризуется низким уровнем доходов, высоким уровнем фактической безработицы, социального неблагополучия (алкоголизма, апатии, суицидов и др.). В большинстве сельских районов фактическая безработица превышает 30 %, что говорит об объективных трудностях для большей части селян найти лучшие условия работы и жизни, как в районе проживания, так и за его пределами. Особенно острая ситуация складывается в традиционных селах и деревнях, где полностью ликвидировано организованное сельское хозяйство.

Но безработица – это не единственная социальная проблема сельских поселений. Пьянство не позволяет реализовать даже имеющийся человеческий потенциал, поэтому рабочие места, которые создаются на лесозаготовках и в иных сферах экономики районов, часто занимают жители городов республики и других регионов России. Социальное неблагополучие, будучи, с одной стороны, следствием безработицы и низких доходов, действует и как самостоятельный фактор, влияющий на занятость, доходы и здоровье селян.

Состояние нездоровья села наглядно характеризует коэффициент смертности по возрастным группам, приведенный на рис.1.

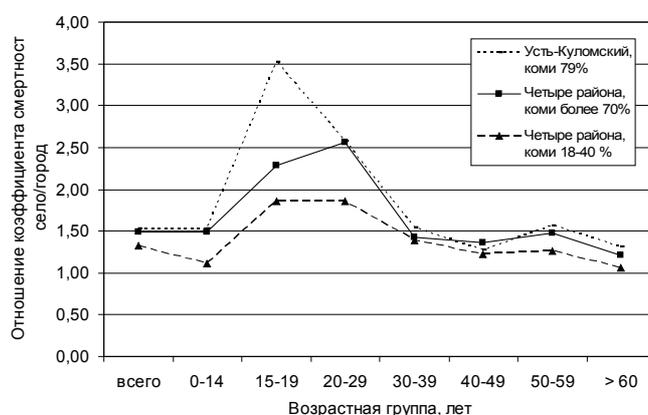

Рис.1. Превышение коэффициента смертности на селе по отношению к городу в зависимости от возрастной группы и численности коми, 2006 г.

Наиболее наглядно социальное неблагополучие села, которое вполне можно назвать социальной катастрофой, демонстрируют показатели смертности в возрастных группах 15-19, 20-29 лет. Именно представители этих возрастных групп испытывают наиболее серьезные стрессы из-за комплекса неполноценности, низких шансов реализовать себя в жизни, построить семью и обеспечить ее благополучие. В районах с преимущественно некоренным на-

селением (Княжпогостском, Троицко-Печорском, Удорском, Усть-Вымском) смертность в этих возрастных группах примерно в 1,8 раза выше, чем у горожан, а в национальных районах (Ижемском, Корткеросском, Сясьском, Усть-Куломском) – в 2,5 раза выше.

Социологические оценки показывают, несмотря на то, что более половины сельских жителей не улучшили свое материальное положение за последние пять лет и имеют душевые доходы существенно ниже прожиточного минимума, 70 % селян не хотели бы уезжать из мест своего проживания, с которыми их связывают прочные духовные и материальные связи.

В условиях ликвидации большинства совхозов и сельскохозяйственных кооперативов для многих из них традиционные формы жизнеобеспечения (личное подсобное хозяйство, охота, рыболовство, услуги на селе) стали способом выживания и источником доходов.

Переход к социально ориентированной экономике в Республике Коми предполагает признание, легитимацию и укрепление традиционного для коренных жителей республики хозяйства.

Традиционное хозяйство (ТХ) или традиционная экономика – это те виды хозяйственной деятельности, которые в течение веков сложились у коренных народов и старожильческих общностей: земледелие, животноводство, включая оленеводство, охота и рыболовство, промысел морского зверя, сбор дикоросов, ремесла. Появление снегоходов, новых орудий труда не меняет традиционность хозяйства для коренных жителей.

Традиционное хозяйство может иметь коммерческую составляющую, то есть производить товары на рынок для получения прибыли, а может и не быть коммерческим. Экономическая деятельность, нацеленная преимущественно на личное потребление домохозяйств (некоммерческая составляющая ТХ), называется традиционным жизнеобеспечением.

Современные формы ТХ на Российском Севере значительно отличаются от тех, которые были до реализации крупномасштабных промышленных проектов, однако его основные функции остались неизменными: продовольственное самообеспечение, укрепление сельской экономики, сохранение традиционной культуры и сельского уклада жизни, сохранение биоразнообразия и продуктивности кормящего ландшафта. Для того, чтобы ТХ могло реализовать свои природоохранные и социальные функции, необходимо, чтобы его роль нашла адекватное отражение в общественном сознании и законодательстве по вопросам природопользования, налогообложения и др.

Происходящие процессы трансформации экономики периферийных муниципальных образований можно определить как переход от совхозной асоциальной системы с доминированием производственных целей и интересов к экономике домохозяйства, в центре которой находится человек с его ценностями. Здоровое, жизнеспособное домохозяйство, основанное на самоценности, психологической прочности, экономической независимости – вот цель реформирования сельской экономики.

Реформирование сельской экономики в Республике Коми, как показывают приведенные данные по фактической безработице и социальному неблагополучию, означает, прежде всего, ревитализацию традиционного жизнеобеспечения (ТЖО). Выбор ТЖО отдельными домохозяйствами объясняется не только навыками и передающимися из поколения в поколение знаниями, но является также решением людей, живущих при определенных обстоятельствах. Это их попытка оптимизировать свое материальное и психологическое благополучие (безопасность) за счет естественных (природных) альтернатив, а не за счет богатства, которое сулит денежная экономика. В то же время, ТЖО не может существовать без обеспечения минимума потребностей домохозяйства. Рассмотрим значимость разных форм традиционной сельской экономики в Республике Коми.

Оленеводство в республике представлено коллективными оленеводческими хозяйствами. Устаревшая материальная база, плохое состояние коралей, низкие доходы оленеводов, социальное и экономическое неблагополучие в селах и деревнях, непрестижность оленеводства, ситуация перманентного банкротства хозяйств – все это указывает, что оленеводство находится в глубоком кризисе.

В Республике Коми для развития оленеводства предлагаются следующие базовые мероприятия: строительство сертифицированного убойного цеха; глубокая переработка продукции; сертификация оленьих пастбищ и т.п. Подобные «технократические» подходы не учитывают, что строительство предприятий по переработке продукции оленеводства без изменения социального статуса оленеводов и оленеводческих общностей повсеместно приводят к потере контроля коренных жителей над отраслью*. В то же время они практически не меняют уровень жизни оленеводов и мест их проживания.

Как и в других регионах, актуальным для республики является вопрос о социально ориентированном оленеводстве, коммерческая составляющая которого не разрушает, а способствует решению задач некоммерческого характера (традиционного жизнеобеспечения, сохранения культуры и целостности коми-ижемцев, оленеводов-усть-цилемов). Представляется, что его решение должно найти место в республиканском и федеральном законе об оленеводстве. Ревитализация оленеводства как системы ТЖО, развитие оленеводства под контролем профессиональных и общественных организаций оленеводческих общин – это способ увеличить занятость в сельских поселениях северных районов (Ижемский, Усть-Цилемский, Усинский, Интинский, Воркутинский) за счет более эффективного использования таежных и тундровых экосистем.

Личным подсобным хозяйством (ЛПХ) заняты практически все жители сельских районов. Доля семей, для которых содержание скота является важным занятием, в разных районах республики составляет от 25 до 60 %. Важ-

* Клоков К.Б., 2001. Проблемы оленеводства. <http://rangifer.org/problems.shtml>.

ным барьером развития ЛПХ являются низкие закупочные цены на продукцию. Учитывая реальные денежные доходы от ЛПХ, подход к ним как субъектам малого бизнеса представляется не корректным. Требуется иной подход – сочетание предпринимательства и всемерная поддержка ЛПХ как некоммерческой деятельности (элемента системы ТЖО) для обеспечения большей экономической самостоятельности и жизнеспособности домохозяйств.

Согласно данным анкетирования, рыболовство и охота с целью самообеспечения важны для 15-40 % сельских семей. В Троицко-Печорском районе эта цифра равна 40%, но даже в пригородном Сыктывдинском районе эти занятия важны не только для самообеспечения, но и как неотъемлемая часть уклада жизни и источник доходов. Роль охоты и рыболовства в структуре среднедушевых денежных доходов селян не велика, но встречаются сельские семьи, для которых они – основной источник доходов, который позволяет даже улучшать жилищные условия и получить высшее образование детям.

Жишническое использование животного мира в Республике Коми является важным фактором низкой продуктивности охоты и рыболовства. Существующая система использования и охраны животного мира должна быть трансформирована, чтобы не допускать конкуренции между традиционным жизнеобеспечением и использованием животного мира в спортивных и любительских целях.

Более активны в секторе ТЖО семьи с меньшим уровнем базовых доходов (зарплаты, пенсий, пособий). Это достаточно хорошо демонстрирует график, построенный по данным анкетирования в сельском районе (рис. 2). Согласно рисунку на роль наиболее значимого источника денежных доходов в секторе ТЖО в настоящее время претендует сбор ягод и грибов.

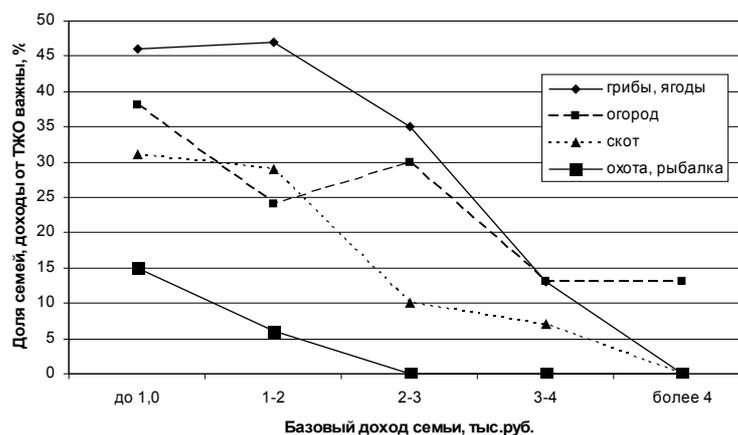

Рис.2. Важность доходов от ТЖО в зависимости от базового дохода семьи

Согласно данным проведенного автором исследования, среднестатистическое потребление недревесных продуктов леса сельским населением республики составляет: для личного использования ягоды 10-12 кг, грибы – 10-20 кг, для коммерческого (на продажу) – ягоды от 5 до 80 кг, грибы – от 0 до 50 кг. По отдельным районам эти цифры различаются значительно. При хорошем уровне организации заготовительной деятельности доходы от продажи ягод и грибов в сельских районах достигают 10 тыс. руб. в среднем на семью, а доходы всех семей района за сезон примерно равны половине фонда заработной платы на предприятиях лесного комплекса района.

Таким образом, наряду с использованием рекреационных ресурсов и развитием туризма эксплуатация недревесных продуктов леса открывает реальные возможности устойчивого развития, является конкурентоспособной отраслью в отношении формирования муниципальных и личных доходов и трудовой занятости. Сферой приложения усилий региональной и муниципальной власти должно быть формирование системы правил заготовительной деятельности, одинаковых для «чужих» и «своих». Существенную помощь государство может оказать в поддержке кредитования и инфраструктурного обустройства сбора ягод и грибов, продвижения продукции, в содействии организации структур, объединяющих мелких и средних предпринимателей и взаимодействующих с крупными предприятиями.

В связи с этим особенное звучание приобретает вопрос о поддержке общин и корпораций субъектов ТЖО (малочисленных народов, общностей коми народа, русских старожилов и др.), чтобы сельские жители не были вытеснены с рынка труда по сбору урожая недревесных продуктов леса, а также могли конкурировать в сфере торговли дикоросами и их переработке.

Федеральный закон «О животном мире», другие законы и нормативно-правовые акты уже предоставляют широкое поле для законотворческой и практической деятельности в Республике Коми по наполнению понятий «традиционное жизнеобеспечение», «традиционное хозяйство» и «субъекты традиционного жизнеобеспечения» практическим содержанием. Они позволяют разработать меры поддержки общинных структур и общественных организаций субъектов ТЖО, имеющих ключевое значение для функционирования традиционного хозяйства.

В то же время федеральным законодательством недостаточно отрегулирован вопрос о субъектах традиционного природопользования и их правах. По нашему мнению, необходима разработка федерального закона, которым вводится понятие общностей коренных народов и русских старожилов Севера, занятых в сфере традиционного природопользования, наделение этих общностей основными правами малочисленных народов, обоснование предоставления им определенных налоговых льгот, преимущественного права использования определенных ресурсов и др.

Ревитализация системы ТЖО и традиционного уклада жизни не означает возврат к архаичности, но предполагает идти в будущее, сохраняя культурное наследие на новой технологической основе. В некоторых наибо-

лее удаленных поселениях система ТЖО может закрепиться как составная часть сельской экономики, в других она может оказаться очень полезным механизмом адаптации селян к рыночным отношениям, восстановления экономической самостоятельности и жизнеспособности домохозяйств.

Основные выводы

1. Этические аспекты промышленного освоения зарубежного Севера на современном этапе проявляются в признании первых (коренных, аборигенных) народов как партнеров в процессах развития, о чем свидетельствует реализация обширных прав коренных жителей на земли, ресурсы и самоуправление. Такая политика и соответствующее право не препятствуют освоению ресурсов Севера, но создают надежные условия для защиты окружающей среды, развития местной экономики, оздоровления коренных жителей.

2. В России, как и других странах, невозможно найти практическое решение острых социально-экономических проблем коренных народов и старожильческих общностей Севера, не устранив их корень – отсутствие прав на землю, ресурсы и самоуправление. Выработка договоров и соглашений с народами Севера – это инструмент восстановления справедливых отношений, уменьшения информационной неопределенности в вопросах собственности и управления землями и ресурсами.

3. Острые социальные проблемы сельских районов, серьезные угрозы биоразнообразию вызывают необходимость укрепления сектора традиционного жизнеобеспечения, способного выполнять природоохранные и социальные функции.

4. Восстановление системы традиционного жизнеобеспечения означает необходимость выработки критериев отнесения физических лиц и сельских общин к субъектам ТЖО, реализации мер информационной, правовой, организационной и финансовой поддержки ТЖО.

5. Широкое поле для законотворческой и практической деятельности в Республике Коми по наполнению понятий «традиционное жизнеобеспечение» и «субъекты традиционного жизнеобеспечения» реальным содержанием открыто Федеральным законом «О животном мире», другими нормативно-правовыми актами, которые целесообразно дополнить специальным законом об общностях коренных народов и старожилов Севера, занятых в сфере традиционного природопользования.

6. Ревитализация системы ТЖО и традиционного уклада жизни не означает возврат к архаичности, но предполагает идти в будущее, сохраняя культурное наследие на новой технологической основе. В некоторых наиболее удаленных поселениях система ТЖО может закрепиться как составная часть сельской экономики, в других она может оказаться очень полезным механизмом адаптации селян к рыночным отношениям, восстановления экономической самостоятельности и жизнеспособности домохозяйств.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

Монографии

1. Права коренных народов Севера на землю и природные ресурсы: Эффективное использование и совместное управление. Серия: Библиотека коренных народов Севера. – Вып. 3. – М., 2005. – 89 с. (5,0 п.л.)
2. Коренные народы Севера: политика, право, экономика // Север как объект комплексных региональных исследований. – Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2005. – С.126-150. (2 п.л.)
3. Проблемы ревитализации традиционного жизнеобеспечения // Север: проблемы периферийных территорий. – Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2007. – С.301-316. (1 п.л.)

Статьи

4. Self-government of Northern Indigenous: Ecological Aspect // Essays on Indigenous Identity and Rights. – Helsinki: Helsinki University Press, 1996 – P.32-39. (0,4 п.л.)
5. Институциональный подход к исследованию проблем социального и экономического развития коренных народов северных территорий России // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. – Сыктывкар, 2000. – С.266-272. (0,4 п.л.)
6. Северная политика России и коренные жители // Правозащитник (специальный выпуск для Республики Коми). – М.: Права человека, 2000. – С. 38-53 (1,3 п.л.)
7. Отношения партнерства с народами Севера // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. – Новосибирск: НГУ, 2001. – С. 217-221. (0,6 п.л.)
8. Реализация интересов северных народов в условиях промышленного развития // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2003, №2. – С.76-83 (1 п.л.). См. также в электронных журналах:
http://www.zaimka.ru/07_2002/maksimov_northern/
<http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0165/analit02.php>
<http://www.rustrana.ru/article.php?nid=12289>
9. Модель партнерских отношений с народами Севера // Город в Заполярье и окружающая среда: Труды III Международной конференции (2-6 сентября 2003 г., Воркута). – Сыктывкар, 2003. – С.199-205. (0,7 п.л.)
10. Проблемы традиционного природопользования в Республике Коми // Современное состояние и перспективы развития особо охраняемых территорий Европейского Севера и Урала (к 75-летию Печоро-Илычского заповедника). – Сыктывкар, 2005 – С. 99-105 (0,8 п.л.).

11. Проблемы традиционного природопользования коренных народов Севера в Республике Коми // Этносоциальные проблемы в Сибири: Тематич. сб. – Вып. 7. – Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006. – С. 94-99. (0,7 п.л.)

12. Грибо-ягодная индустрия // Регион. – 2007, №1. – С.34-37. (0,6 п.л. в соавторстве, авторских – 0,3 п.л.)